

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 526–533

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 526–533

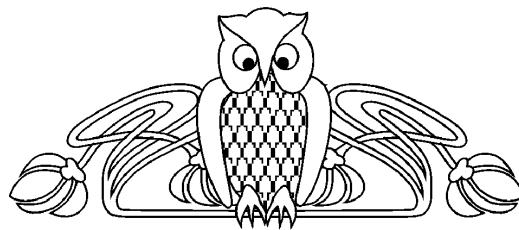
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-526-533>, EDN: NFOMTG

Научная статья

УДК [392.3:314](470.67)|18/19|

Семейные ценности и ребенок в Дагестане конца XIX – начала XX в.: историко-демографический аспект

М. М. Амирханова

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, 367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, д. 75

Амирханова Мадина Магомедовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела новой и новейшей истории Дагестана, madinat63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8218-0006>, AuthorID: 259374

Аннотация. В статье рассматривается дагестанская семья на рубеже двух веков. Отмечается, что сфера брачно-семейных отношений основывалась на религиозных взглядах. Для семьи характерны были авторитарно-патриархальные взаимоотношения. Детей воспитывали в беспрекословном подчинении и уважении к старшим. Формулируется вывод, что в рассматриваемый период происходит дробление дагестанской семьи. Однако сохраняются и традиционные черты: устойчивость брака, патриархально-авторитарная организация семьи, многодетность

Ключевые слова: Дагестан, семья, ценности, брак, развод, многодетность, младенческая смертность, воспитание детей

Для цитирования: Амирханова М. М. Семейные ценности и ребенок в Дагестане конца XIX – начала XX в.: историко-демографический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 526–533. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-526-533>, EDN: NFOMTG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Family values and a child in Dagestan in late 19th – early 20th century: Historical and demographic aspect

М. М. Amirkhanova

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 75 Yaragsky St., Makhachkala 367030, Republic of Dagestan, Russia

Madina M. Amirkhanova, madinat63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8218-0006>, AuthorID: 259374

Abstract. The article examines the Dagestani family at the turn of the century. It notes that marital and family relations were rooted in religious beliefs. Authoritarian-patriarchal relationships characterized the family. Children were raised with unquestioning obedience and respect for their elders. It is concluded that during this period, the Dagestani family fragmented. However, traditional characteristics persisted: stable marriage, a patriarchal-authoritarian family structure, and large families.

Keywords: Dagestan, family, values, marriage, divorce, large families, infant mortality, raising children

For citation: Amirkhanova M. M. Family values and a child in Dagestan in late 19th – early 20th century: Historical and demographic aspect. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 526–533 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2025-25-4-526-533>, EDN: NFOMTG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В качестве важного аспекта человеческой жизни проблема семьи и семейных ценностей сохраняет определяющее значение и в настоящее время из-за нерешенности многих социальных вопросов. Семья, с одной стороны, как опора, защищающая индивида от угроз внешнего мира, с другой – требующая от него служения своим близким и следования семейным традициям, в рамках изучения социальной истории

вызывает несомненный интерес у исследователей. При этом ценности поколения «отцов» постепенно воспринимаются поколением «детей», обеспечивая поступательное развитие общества.

Многие исследования, вышедшие в последние десятилетия, посвящены самым различным аспектам жизни и быта семьи, взаимоотношениям родителей и детей.

В дореволюционной литературе историк и правовед К. И. Бабилов рассматривал особенности русской семьи в процессе развития общества [1]. В работах П. Ф. Каптерева освещались задачи и основы семейного воспитания [2].

Труды советского периода в основном посвящены проблемам семейно-брачных отношений в контексте воспитания «нового советского человека» [3, 4].

В постсоветский период проблемы истории семьи и взаимоотношений в семье стали исследоваться в русле социальной истории. Н. Л. Пушкарева посвятила свои труды проблемам повседневности, женскому взгляду на семейный быт [5]. Особый интерес для рассматриваемой темы представляет монография В. Б. Жиромской и Н. А. Араповец, посвященная истории российского детства на протяжении более чем века [6].

Региональные проблемы семьи и детства нашли освещение в основном в трудах этнографов. Особый вклад в изучение дагестанской семьи и взаимоотношений в семье внесли труды С. Ш. Гаджиевой [7, 8]. Для раскрытия проблемы важное значение имеют работы М. К. Мусаевой [9, 10]. Темой исследования М. Б. Гимбатовой стало социокультурное пространство ногайцев, в частности семейный быт [11].

В трудах историков нашли отражение отдельные аспекты рассматриваемой проблемы. Книга А. И. Османова посвящена освещению численности, размещения и воспроизводства населения Дагестана с древнейших времен до конца XX в. [12]. В монографии М. Я. Мирзабекова нашли отражение вопросы численности, национального и социального состава, динамики воспроизводства дагестанцев [13].

Историографический обзор литературы по данной теме показал, что семья являлась объектом изучения исследователей, особенно в региональных трудах этнографов. Однако процесс историко-демографического развития дагестанской семьи и взаимоотношений в семье в указанных хронологических рамках не являлся объектом специального исследования.

Основным источником для освещения проблемы явились материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В переписных листах имеются сведения о семейном состоянии дагестанцев: брачности, рождаемости, возрастном составе детей. «Обзоры Дагестанской области» за 1897–1915 гг. показывают динамику изменения демографических показателей дагестанцев и т. д. К сожалению, данные приводятся в общем плане, без контекста взрослых-дети [14].

Архивные материалы по данной проблеме малочисленны. В фонде канцелярии Военного губернатора Дагестанской области содержится Положение, регламентирующее сословный характер брачного союза [15]. В фонде Статистического комитета имеются фрагментарные

сведения о младенческой смертности в разрезе город-село и т. д. [16].

В Российской империи по Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в основном проживало сельское население. Численность городских жителей составляла лишь 13,4%. На Кавказе и в Средней Азии численность городских жителей была выше, но это в основном было мужское население. На Кавказе на 1000 мужчин насчитывалось всего 758 женщин [17, с. 11–12].

Данные переписи выявили интересные показатели по возрастному составу населения. Лица от 20 до 60 лет составляли наибольшую категорию. Самая большая возрастная группа была представлена детьми от 1 до 9 лет – 23,9%, т. е. почти четверть населения [17, с. 13].

В то же время в отличие от других регионов в Дагестане численность женщин (50,4%) превышала число мужчин (49,6%) [13, с. 52]. В разных возрастных категориях это различие варьировалось. Мужчины преобладали в возрастной категории «новорожденные – до 29 лет». Перепись 1897 г. зафиксировала в Дагестане 28,3%, или около трети населения, в категории моложе года и до 9 лет. Таким образом, 76,4% населения было представлено людьми до 29 лет [14].

В рассматриваемый период вовлечение Дагестана в состав российской рыночной системы ускорило проникновение товарно-денежных отношений в самые отдаленные районы области. Однако промышленное производство только зарождалось, большинство населения занималось сельским хозяйством.

В России в конце XIX – начале XX в. сфера брачно-семейных отношений основывалась на религиозных взглядах. При этом характерно было многообразие вероисповеданий: христианство, ислам, иудаизм. Исходя из их канонических, регламентировались добрачное, внебрачное и брачное поведение населения, рождаемость, отношения внутри семьи [6, с. 17]. В то же время во всех вероисповеданиях и разных социальных группах вступление в брак, создание семьи, воспитание детей считалось долгом перед Богом и обществом.

В отличие от христианства идея безбрачия в исламе не поддерживалась. Для женщин поощрялось раннее вступление в брак, многоженство – для мужчин, многодетность. Разводы допускались.

В рассматриваемый период семейно-брачные отношения регулировались Гражданским законодательством Российской империи. В частности, им закреплялось положение о сословной принадлежности при вступлении в брак [18].

5 июня 1903 г. для разъяснения действия Положения на территории Кавказа Закавказское мусульманское духовное управление (суннитского учения) на обращение главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 25 мая

того же года уведомляло: «При выходе замуж как девицы, так и вдовы за лицо неравного происхождения, согласие их “вели” (естественного попечителя) обязательно; в случае же не испрошения согласия “вели”, последний имеет право просить о расторжении брака, заключенного помимо его согласия» [15, л. 10].

Чаще всего игнорировались желания и чувства брачующихся. Русский медик Н. Львов, побывавший в Дагестане дважды, пишет: «В Дагестане при заключении брачного союза главное принимается в расчет богатство, которому, как и везде, отдается преимущество перед личными качествами соединяющихся браком...» [19, с. 18–19].

О сватовстве родители часто договаривались уже при рождении девочки. При этом обязательной считалась уплата приданого (махара). Это означало, что, достигнув совершеннолетия, она становилась женой того, за кого была засватана с пеленок. В семье не спрашивали ее согласия.

В Дагестане достаточно часты были случаи насильственной выдачи замуж. Например, горянка Патимат из Даргинского округа отказалась выйти за своего «жениха» и вышла за любимого молодого человека без разрешения родителей. Недовольные ее выбором отец и брат убили ее мужа и насильно выдали за другого. Из-за этой трагедии в маленьком ауле на почве кровной мести было убито 12 человек [20, с. 13].

Как отмечает этнограф С. Ш. Гаджиева, это не означало, что во внимание совсем не принимались склонности жениха и невесты. Перед другими мотивами брака любовь могла и превалять. Вопреки первоначальному решению, родители могли согласиться на брак детей по их выбору [8, с. 146].

В то же время и Н. Львов обращает внимание на это явление: «Браки по любви случаются между горцами не так часто, однако нельзя сказать, чтобы любовь была чужда чувству горца. Напротив, очень часто слышишь, что такой-то влюбился в такую-то, такая-то влюбилась в такого-то» [19, с. 19].

Главным предназначением женщины являлось замужество и материнство. Круг ее деятельности замыкался в семье: домашнее хозяйство, растить и воспитывать детей.

Раннему вступлению в брак (брачность была всеобщей) способствовали устоявшиеся религиозные семейные ценности. Они обуславливали господство авторитарных внутрисемейных отношений, где царили зависимость жен от мужей, детей – от родителей. На многонациональном Юге браки в основном заключались между представителями одного вероисповедания [21, с. 21].

У дагестанцев, как и других народов Северного Кавказа, достигшими минимального брачного возраста по адату считались молодой человек и девушка 15 лет. В основном преобладали

браки, заключенные между юношами, достигшими 18–22 лет, и девушками 16–20 лет [22, с. 84].

Динамика брачности дагестанцев характеризовалась следующим образом: с 1902 г. (6691 чел.) по 1905 г. (7142 чел.) наблюдается рост заключаемых браков [23, с. 3; 24, с. 7], с 1908 г. (7029 чел.) по 1911 г. (7096 чел.) незначительно увеличилось количество брачующихся [25, с. 15; 26, с. 63], в 1913 г. видно их увеличение (7218 чел.) [27, с. 6].

Выбор невесты и жениха считался серьезным и очень ответственным шагом. При выборе невесты в первую очередь принимались во внимание ее трудолюбие, сдержанность в проявлении эмоций, знание этикета. Кроме того, девушка должна была быть физически крепкой, способной иметь здоровое потомство, выполнять многочисленные обязанности по хозяйству, дому и воспитанию детей. Другим нравственным качествам также придавалось немаловажное значение: знаниям традиций, умению уважать старших, отзывчивости и т. д.

Исторически сложившийся в обществе механизм, при котором муж всегда обеспечивал семью материально, жена занималась домашним хозяйством, дети были порой опорой родителям в немощи, а в малообеспеченной семье еще трудились, начиная с раннего возраста, стимулировали многодетность. В свою очередь, высокий уровень смертности детей и незначительное регулирование рождаемости в стране способствовали сохранению традиционного репродуктивного поведения ее населения.

На этот процесс ощутимое влияние оказывали традиции и обычаи, исторически выработанные и освященные религией. Исходя из материалов Центрального статистического комитета (ЦСК) за 1899–1900 гг., можно делать вывод, что особенно высокий уровень рождаемости наблюдался у мусульманок и православных христианок [6, с. 18]. Этот показатель у христианок хотя и снизился в начале XX в. по сравнению с концом XIX в., но по-прежнему оставался высоким, у мусульманок же он повысился в 1900-х гг. (особенно в 1910 г.) по сравнению с 1899 г. [6, с. 18]. Так, общее число родившихся в Дагестанской области в 1902 г. составило 14 568 человек, из них в городах – 1453 и в округах – 13 115 [23, с. 5]. А в 1911 г. в области было зафиксировано 16 295 рождений, из них в городах – 1511 человек, в округах – 14 784 [26, с. 44]. Таким образом, в 1911 г. по сравнению с 1902 г. естественный прирост увеличился на 1725 человек [26, с. 44].

В Дагестане многодетность считалась признаком семейного благополучия. Об этом говорит и тот факт, что пожелания быть счастливой многодетной матерью высказывались уже невесте во время первых ее посещений дома будущего мужа. Например, пожилые люди в ответ на услугу молодого человека часто говорили: «Пусть

твоя жена родит тебе сына-богатыря», а если обращались к молодой женщине: «Да родится у тебя сын» [10, с. 31].

Для свадебного обряда характерен ряд магических приемов, направленных на обеспечение многодетности. Например, во время ввода невесты в дом жениха проводили такие приемы, как осыпание невесты зерном, горохом или другими «семенами земли», закидывание невесты сырыми яйцами [10, с. 31].

Возможно, стремление к многодетности объяснялось и достаточно высокой смертностью населения [28, с. 38]. Так, умерших в 1902 г. насчитывалось 14 063 человек, в том числе в городах – 1050, в сельской местности – 13 013 [23, с. 5]. В 1892–1904 гг. от инфекционных болезней (оспа, корь, скарлатина, брюшной тиф) умер 2021 человек [12, с. 138].

Это явление было связано с тяжелыми условиями жизни большинства населения. Среднегодовое потребление горцем мяса составляло 6,32 кг, жиров – 1,7 кг, сахара – 2,55 кг, что было в два с лишним раза меньше потребления этих продуктов сельским населением центральных губерний России [29, с. 546].

Особенно сказывалось отсутствие медицинской помощи. Например, к 1887 г. для населения области не имелось больниц, за исключением лишь одного приемного покоя на 5 кроватей в селе Касумкент Кюринского округа [30, с. 57], содержавшегося на общественные пожертвования. Городские жители за установленную плату пользовались медицинской помощью в местных военных лазаретах. Кроме того, женщина была лишена возможности обращаться к врачу-мужчине из-за предписаний мусульманской религии. Острой была необходимость акушерок-фельдшеров и повивальных бабок.

К 1913 г. ситуация с медицинским обслуживанием в Дагестане немного улучшилась. Так, в городах Темир-Хан-Шура, Петровске и Дербенте было открыто несколько больниц и приемных покоев. В сельской местности население пользовалось бесплатным лечением в 18 лечебницах. Здесь уже имелось 38 врачей (из них 2 женщины), 98 фельдшеров и 32 повивальные бабки [30, с. 57].

В то же время в дагестанском аграрном обществе необходимость иметь большее количество детей (в среднем около четырех), как считает этно-демограф М.-Р. А. Ибрагимов, поощрялось и условиями хозяйствования, что было призвано способствовать лучшему функционированию семьи. В рассматриваемый период одобряемое общественным мнением раннее замужество, осуждение разводов и бездетности, благоприятствовавшие высокой рождаемости, можно объяснить спецификой основных занятий (сочетанием земледелия и скотоводства, уровнем социально-экономического развития населения). Этому

также способствовали наличие пережитков патриархальной традиции, обычай эндогамии, т. е. явлениями, всячески поддерживавшими замкнутость отдельных селений, обществ, этнических групп [28, с. 38].

Следует отметить, что в Дагестане в начале XX в. преобладающей была малая семья, хотя в пережиточной форме сохранялась и большая семья (неразделенная), состоявшая из двух, трех и больше поколений близких родственников. Как отмечает С. Ш. Гаджиева, по своему составу дагестанская неразделенная семья была близка семьям такого типа у других народов Кавказа. Чаще всего такие семьи состояли из 20–50 человек, очень редко – 60–70 человек [8, с. 36].

С развитием товарно-денежных отношений естественный рост числа членов семьи приводил чаще всего к их окончательному распаду. Обычно он воспринимался как результат хозяйственно-бытовых трудностей. Отделялись братья, сыновья или внуки. Смерть главы семьи – отца или старшего брата также являлась толчком для разделения семьи. Но этот процесс происходил у дагестанцев неодинаково, что было обусловлено природно-географическими условиями жизни населения. Так, большие семьи сохранялись чаще в горах, чем на равнине, так как для добывания средств к жизни необходимы были усилия большого числа людей, то есть большесемейной группы, сельской общины.

Саид Габиев в своей работе о лаках отмечает: «Живут лаки часто по несколько семейств в одном доме. Если хозяин человек зажиточный, то жилых комнат не больше двух, а то одна» [31, с. 137]. У отдельных народов Дагестана, живущих как в горах, так и на равнине, большесемейные коллективы сохранились вплоть до 1930-х гг. [32, с. 90].

Отходничество также способствовало разложению патриархального уклада дагестанской семьи. Например, в 1915 г. число отходников составило 80 183 человек [33, л. 21]. Усиление отходничества было обусловлено расслоением крестьянства и возникновением неравенства, сочетанием различных общественно-экономических укладов жизни. Почти в каждом дагестанском ауле в хозяйстве крестьянской семьи можно было встретить сочетание мелкотоварного, феодального и капиталистического производства.

Как и большая семья, малая являлась многофункциональной социальной группой. Она осуществляла несколько функций: хозяйственные, продолжения рода, воспитания детей и т. д. В малой семье после женитьбы, как свидетельствует знаток адатов народный поэт Дагестана Г. Цадаса, «спустя немного времени, молодоженов отделяли для самостоятельной жизни. Им давали все, что было необходимо для ведения самостоятельного хозяйства. Если же родители нетрудоспособны по старости или болезни, то раздел хозяйства не производили...» [34, с. 86].

В дагестанской семье труд распределялся по половому признаку. Трудоемкие работы по хозяйству и семье выполнялись мужчинами: они заготавливали камни для строительства дома, ремонтировали орудия труда, ухаживали за скотом, занимались вспашкой земли и посевом полей. Подростки активно помогали им в выполнении этих работ. Авторитет каждого члена семьи определялся, прежде всего, его вкладом в хозяйство и семейный бюджет, а также личными качествами и жизненным опытом.

Обязанности женщины были не менее обширны: приготовление пищи, поддержание чистоты и порядка в доме, изготовление одежды, ткачество и т. д. Например, лезгинки активно помогали мужчинам в срочных полевых работах и носили воду для всей семьи.

Характеризуя разделение труда между мужем и женой в дагестанской семье, Г. Цадаса пишет: «Основной силой в хозяйстве была женщина. Недаром сложилась пословица, что жена – это столб дома, весь дом держится на ее плечах». Исполнение женских работ считалось для мужчины позором. Мужчина играл главенствующую роль в хозяйстве. Сложились пословицы: «Спаси боже от холодной горы и непослушной жены» или «Если муж и жена живут в аду, то нет нехватки в году» [34, с. 87].

Следует отметить относительную свободу горянок, не вяжущуюся с исламом. Замужние женщины часто навещали своих родителей и близких родственников, могли принимать участие в семейных и сельских праздниках. Дагестанка не знала затворничества. Саид Габиев пишет: «Тогда как все народы Востока стали укрывать своих женщин в душных стенах, наши горянки были совершенно свободны и ни в чем не уступали мужьям» [31, с. 138]. Решая семейные вопросы, муж советовался с женой. При определении детей в самостоятельную жизнь, горянка пользовалась своими правами. В сфере домашнего хозяйства и производства она оставалась самостоятельной.

Как ядро семьи, браки имели устойчивый характер. Определяющим являлись ценностные установки, выработанные в российском обществе, способствовавшие сохранению семьи, ее стабильности.

По сведениям Всеобщей переписи 1897 г. видно небольшое количество разводов в Дагестане, особенно среди мужчин. Женская разводимость была выше, но незначительно. Так, разведенных насчитывалось 1401 мужчина и 2120 женщин [14, с. 28].

Как правило, инициатором развода являлся муж. Право развода для женщины было крайне ограничено. Развод допускался для нее «только в двух случаях: если муж не может отпугивать своих супружеских обязанностей, или, если по бедности своей он не в состоянии содержать семейство». При этом 1018 женских

разводов приходилось на 20–39-летний возраст [14, с. 28]. Этому способствовали социальная неустроенность большинства дагестанских семей и большая свобода в исламе для мужчин в брачно-семейных отношениях.

Высокая рождаемость давала значительный прирост числа детей. По Всеобщей переписи населения 1897 г. детей в возрасте от 1 года до 9 лет включительно насчитывалось 151 047. При этом наблюдалось небольшое преобладание мальчиков (76 482) над девочками (74 565) [14, с. 28].

Исходя из количества рождений, данные «Обзоров по области» показывают нестабильную ситуацию с рождаемостью. Так, в 1902 г. родилось 14 568 чел., в 1905 г. – 17 508 чел., в 1908 г. – 15 271 чел., в 1911 г. – 16 295 чел., 1913 г. – 17 256 чел. [23, с. 5; 24, с. 7; 25, с. 15; 26, с. 63; 27, с. 6].

Внебрачная рождаемость в Дагестане по причинам морального и религиозного характера распространена не была и измерялась ничтожными величинами. Так, в 1902 г. незаконнорожденных насчитывалось 53 чел., из которых в городе – 43, по округам – 10, в 1913 г. соответственно – 38 и 6 [23, с. 5; 27, с. 6].

В сельской местности незначительное количество таких рождений было обусловлено не только более высокой нравственностью населения. Определенную роль в этом играло и развитие путей сообщения. В такой сложной ситуации женщины старались родить вдали от своего дома, где их не знали, удалиться на время родов в укромное место.

Незаконнорожденные дети оказывались в непростой жизненной ситуации. От «согрешившей» и ее ребенка отворачивались родственники, она оказывалась без помощи, поддержки. По закону отец не обязан был содержать внебрачных детей. В селении такие дети были изгоями, их презирали, давали унижительные прозвища.

В то же время дети, особенно в крестьянских семьях, для родителей представляли немалую ценность. Как правило, семья хотела иметь больше детей, не только по причине «чадолюбия», но и с практической точки зрения, имея в виду помощь от них в скором будущем по хозяйству, а также уход и заботу в преклонном возрасте.

Число детей, особенно в сельской местности, в значительной мере зависело от уровня младенческой смертности, которая в 1897–1917 гг. оставалась достаточно высокой. Так, даже в благополучные 1910–1913 гг. из каждой тысячи родившихся по разным областям страны умирало от 270 до 350 младенцев, не дожив до одного года [14, с. 63].

Следует отметить, что экономический фактор нередко обуславливал высокий уровень детской смертности. Основой бедности крестьянских семей часто являлось малоземелье. В Дагестане, относившемся к числу малоземельных

районов, удобной для возделывания земли, в до-революционных границах, насчитывалось всего 1 300 000 десятин, т. е. в среднем приблизительно менее 2 десятин на душу [36, с. 14]. Эти сведения не точные, поскольку в Дагестане царское правительство не производило межевание земли.

К сожалению, в источниках и исторической литературе нет сведений о младенческой и детской смертности в динамике. Архивные документы содержат лишь отдельные данные, демонстрирующие то, что ситуация с младенческой смертностью в Дагестане была сложной. Например, в 1915 г. в городе Темир-Хан Шуре умерло 54 младенца [16, л. 2], Дербенте – 125 [16, л. 9], Петровске – 136 [16, с. 25]. В сельской местности смертность была еще более высокой. Так, в Андийском округе умерло 187 младенца [16, л. 3], Гунибском – 356 [16, л. 6], в Кайтаго-Табасаранском округе – 229 [16, л. 20].

По величине младенческой смертности Россия занимала одно из первых мест в мире, теряя ежегодно от 800 тыс. до 1,5 млн грудных детей [16, л. 20].

В конце XIX – начале XX в. численное преобладание сельского населения с его устоями брачно-семейных отношений в Дагестане (согласно переписи населения 1897 г. численность горожан составляла 44 607 тыс. человек) [14, с. 4] способствовал авторитарно-патриархальным отношениям между супругами, родителями и детьми.

Дагестанцы воспитывали детей в беспрекословном подчинении и уважении к старшим. Саид Габиев отмечает: «Образцовым, спартанским воспитанием своих детей горцы Кавказа могут похвастаться и перед другими народами. Отец и мать никогда не бьют детей и только одним взглядом укрощают их» [31, с. 142].

Кумыкский просветитель конца XIX в. М. Алибеков на примере адатов кумыков пишет о взаимоотношениях в семье, в частности отца и детей. Маленьких детей не принято было приносить в комнату, где находился отец. Дочерей растили и воспитывали только матери. Дед же мог играть с внуками, носить их на руках, ходить с ними и кормить их [37, с. 227].

Между тем для детей период раннего детства был временем относительной свободы. Много времени дети проводили в играх.

При детях отец и мать соблюдали строгие, сдержанные отношения друг с другом. Хвалить детей при посторонних считалось неприличным.

Вначале воспитателями являлись только члены семьи. По мере взросления ребенка к воспитателям присоединялись родственники, соседи, односельчане и т. д. Нужно было воспитывать ненавязчиво, справедливо и спокойно. Часто детей учили на положительных примерах, а также в виде притч, преданий и т. д.

Детей старались обучать и воспитывать нормам адата и шариага, невыполнение их пори-

цалось, а соблюдение поощрялось. Это объяснялось тем, что адат имел силу закона, нарушивший который мог подвергнуться наказанию.

В дагестанских семьях большое значение придавалось трудовому воспитанию детей. В дагестанской семье положение мальчика и девочки было не одинаковым. С детства девочка должна была помогать матери по хозяйству и дому. У мальчика было больше возможностей для игр и развлечений, хотя он выполнял некоторые виды работ: пас телят и овец.

Например, у кумыков в трудовом воспитании в семье «знатного дворянина» и представителя трудового народа имелись различия. В богатой и знатной семье сына старались воспитать воином, управленцем и хозяином. А в крестьянской семье стремились воспитать кормильца, трудолюбивого и грамотного работника, способного прокормить семью [38, с. 12].

Табасаранцы издавна изготавливали разные деревянные изделия, необходимые в хозяйстве. Уже пятилетний ребенок мог сделать деревянную ложку или двузубые вилки. Внуков часто учили изготовлению и починке необходимых в хозяйстве разных предметов кухонной утвари [10, с. 147].

Труд детей и подростков применялся не только домашнем хозяйстве. Достаточно широко применялся он в кустарно-ремесленном производстве, в то время очень развитой в Дагестане сфере. Так, каждый ремесленник и кустарь имел, как правило, по два ученика, которых он обучал в течение трех лет. Труд детей-рабочих применялся: мальчиков – в металлообработке, изготовлении одежды, в сельском хозяйстве на поденной работе, на дому; девочек – прежде всего в домашней работе. Таким образом, по данным Всеобщей переписи населения насчитывалось 1200 (8,4%) детей и подростков-рабочих (до 15 лет), из них 1000 мужского и 200 женского пола [39, с. 35].

Важным рубежом в развитии подростков считали 15-летний возраст – совершеннолетие. У большинства народов Дагестана (аварцы, даргинцы, лакцы) достижение совершеннолетия отмечалось торжественно. Как правило, к этому празднику юноше справляли новую одежду, вручали первый ременной пояс с кинжалом, шили первую черкеску [8, с. 286, 287].

Таким образом, в рассматриваемый период в дагестанской семье произошли определенные изменения. Произошло дробление большой семьи, с сохранением ее в пережиточной форме в горах и на равнине. Хотя не наблюдается сокращение рождаемости, высокая младенческая смертность уменьшала количество детей в семье и ее размеры. Тем не менее дагестанская семья сохранила вполне традиционные черты: устойчивость брака, ограниченность брачного выбора, патриархально-авторитарная организация семьи, неравноправное положение женщин, сохранение

стимулов (социально-экономические, религиозные) к многодетности.

Как и прежде, для семьи характерны авторитарно-патриархальные взаимоотношения: подчинение жены мужу, детей – родителям. Детей воспитывали в беспрекословном подчинении старшим и их уважении. Важное значение придавалось трудовому воспитанию детей.

Список литературы

1. Бабилов К. И. От колыбели до могилы: Картины и очерки публичной и семейной жизни современного русского общества. М. : Тип. Ф. Иогансона, 1873. 377 с.
2. Каптерев П. Ф. Задачи и основы семейного воспитания. СПб. : Типография Е. Евдокимова. 1898. 42 с.
3. Макаренко А. С. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Просвещение, 1960. Т. 1, ч. 3. 386 с.
4. Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М. : Мысль, 1987. 221 с.
5. Пушкарева Н. П. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (XIX – начало XX в.). М. : Ладомир, 1997. 381 с.
6. Жиромская В. Б., Араповец Н. А. Российские дети в конце XIX – начале XX в.: историко-демографические очерки. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 223 с.
7. Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала : Дагкнигоиздат, 1967. 104 с.
8. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М. : Наука, 1985. 360 с.
9. Мусаева М. К. Традиции, обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей. Махачкала : Наука плюс, 2006. 221 с.
10. Мусаева М. К. Этнография детства народов Дагестана (Традиции народов Равнинного и Южного Дагестана). Махачкала : Изд-во Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2007. 252 с.
11. Гимбатова М. Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX – начало XX века). Махачкала : Эпоха, 2007. 344 с.
12. Османов А. И. Население Дагестана с древнейших времен до конца XX века. Махачкала : ИП Овчинников, 2011. 447 с.
13. Мирзабеков М. Я. Историческая география Дагестана (60-е годы XIX – 30-е годы XX в.). М. : Парнас, 2012. 393 с.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Гос. тип., 1905. 212 с.
15. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2 (Канцелярия военного губернатора Дагестанской области). Оп. 4. Д. 3.
16. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 21 (Дагестанский областной статистический комитет Центрального статистического комитета г. Темир-Хан-Шура). Оп. 4. Д. 91.
17. Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. Т. 1 : 1900–1939 / отв. ред. В. Б. Жиромская. М. : РОССПЭН, 2000. 463 с.
18. Свод законов Российской империи : в 16 т. Т. 10, ч. 1. Свод законов гражданских / сост. Государственной Канцелярией. Петроград : Гос. тип., 1914. 984 с.
19. Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени // Сборник сведений о кавказских горцах : в 10 вып. Тифлис : Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1870. Вып. 3. С. 1–32.
20. Гасанова А. И. Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920–1940-е гг.). Махачкала : Типография Дагфилиала, 1963. 157 с.
21. Макаренко М. Ю., Мингазова Э. Н. Дети и подростки в системе ценностей славянского населения Юга России (конец XIX – первая четверть XX в.) // Общество : философия, история, культура. 2012. № 4. С. 17–26.
22. Мусаева М. К. Хваршины. XIX – начало XX в. Махачкала : Изд-во Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, 1995. 251 с.
23. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету военного губернатора Дагестанской области. Темир-Хан-Шура : Русская типография В. М. Сорокина, 1903. 153 с.
24. Обзор Дагестанской области за 1905 г. Темир-Хан-Шура : Русская типография В. М. Сорокина, 1907. 30 с.
25. Обзор Дагестанской области за 1908 г. Темир-Хан-Шура : Типография «Дагестан», 1909. 41 с.
26. Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Хан-Шура : Типография «Дагестан», 1912. 98 с.
27. Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура : Паровая типолитография М. М. Мавраева, 1915 г. 36 с.
28. Ибрагимов М.-Р. А. Население (этнодемографический обзор) // Народы Дагестана / отв. ред. С. А. Арютонов, А. И. Османов, Г. А. Сергеева. М. : Наука, 2002. С. 36–49.
29. Османов А. И. Дагестан в XX веке: исторический опыт регионального развития : в 2 кн. Кн. 2 : Общественно-политическая жизнь и социокультурное развитие народов Дагестана. Махачкала : ООО «Динэм», 2007. 621 с.
30. Обзор о состоянии Дагестанской области за 1887 г. Темир-Хан-Шура : Арендатора отделения типографии Михайлова Г. Зорина, 1898. 149 с.
31. Габиев С. И. Избранные труды. Махачкала : Дагестанский научный центр РАН ; Институт истории археологии и этнографии ; Культ. ист. фонд «Тарих», 2001. 416 с.
32. Гаджиева М. И., Омаршаев А. О. Семья народов Дагестана в историческом развитии. Махачкала : РИЦ «Стиль», 2000. 160 с.
33. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2 (Канцелярия военного губернатора Дагестанской области). Оп. 2. Д. 72.

34. Гамзат Цадаса. Адаты о браке и семье аварцев в XIX – начале XX в. // Законы вольных обществ Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы / сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. Махачкала : Эпоха, 2007. 300 с.
35. Титова Т. А. Лезгинская семья на рубеже XIX–XX веков. Этнографические очерки. Казань : Новое знание, 1999. 53 с.
36. Современный Дагестан. По материалам Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции ДССР. Махачкала : ДЦИК Последгола, 1925. 67 с.
37. Алибеков М. «Адаты кумыков» // Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана. V – начало XX в. : в 2 т. Т. 2 : В царской и ранней советской России / сост., отв. ред. В. О. Бобровников. М. : Изд. дом. Марджани, 2009. С. 201–229.
38. Крамынина Е. Р. Трудовое воспитание детей в кумыкской семье. XIX – нач. XX века // Вестник Института ИАЭ. 2012. № 3. С. 100–104.
39. Милованов Г. И. Рабочий класс Дагестана. Историко-экономический очерк. Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1991. 127 с.

Поступила в редакцию 26.03.2025; одобрена после рецензирования 30.03.2025;
принята к публикации 27.06.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 26.03.2025; approved after reviewing 30.03.2025;
accepted for publication 27.06.2025; published 28.11.2025